

АНДРЕЙ ЕРПЫЛЕВ

**КУРОРТ НА КРАЮ
ГАЛАКТИКИ**

Андрей Юрьевич Ерпылев
Курорт на краю Галактики

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165637

Содержание

1	11
2	23
3	34
4	45
5	56
6	64
7	75
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Андрей Ерпылев

Курорт на краю Галактики

– Вот она!..

– Где? Где? Подвинься!..

– Да вот же, вот!..

Шепоток, быстро переросший в радостный гомон, разнесся всему по салону бизнес-класса космолайна.

– Ну я не вижу, подвинься!..

Все пассажиры разом задвигались в своих креслах: счастливы, сидящие у самого иллюминатора – чтобы поскорее приникнуть к нему, те, кто подальше – чтобы попытаться хоть что-нибудь увидеть краем глаза.

Я, естественно, сидела у «окошка», но, бросив беглый взгляд на неторопливо выплывавший в поле зрения темно-голубой выпуклый диск, подернутый молочно-белыми разводами («Фу, какая гадость: словно мыльная пена в ведре с чем-то синем из одежды, замоченном нерадивой хозяйкой на ночь!»), тут же отвела глаза и откинула до предела кресло. Действия мои позволили соседу, сгоравшему от любопытства, всласть полюбоваться не только открывающейся за бортом «красотой», но заодно и еще кое-чем, но уже не за бортом, а в вырезе моего дорожного костюма.

Соседа, как я уже знала, зовут Иннокентий. Он до сих пор, несмотря на свой «зрелый» возраст – на вид ему года 22–

25, не больше – является холостяком, ему принадлежит роскошный дом в Южном Бутово (почти центр Москвы-Мега) и я его с удовольствием убью прямо голыми руками, если он хоть на минутку не заткнется.

– П-посмотрите, какая п-п-прелесть! – проблеял через несколько мгновений обретший дар речи коммивояжер, пытаясь свести в одну точку глаза, которыми он только что созерцал две такие разные «прелести».

– Какая именно? – съязвила я.

Надоел мне этот прилипчивый щенок за три часа полета, как горькая редька.

Что такое «горькая редька» я, вообще-то, не очень представляю. Вероятно, какое-то экзотическое блюдо этой национальной, донельзя экзотической, древнерусской кухни, наподобие «хрена собачьего» или «банного листа». Впрочем... «Банный лист», к кулинарии, судя по звучанию, вроде бы не относится... Хотя, есть лавровый... А-а, какая в принципе разница!..

– А разве их там две? Вы только посмотрите...

Все. Терпение мое лопнуло. Эта... Этот... Это ничтожество еще смеет восхищаться каким-то там мерзким каменным шаром, заплеванным газами, жидкостями и небольшим количеством протоплазмы, только одним своим присутствием оскверняющим величественную красоту Космоса? Да еще и... Нет, я все-таки чересчур вжилась в свою роль.

Я окинула боковым зрением тощую цыплячью шейку

с юношескими прыщами и редкой рыжеватой щетиной, непробритой, видно, утром. Ага, кончиком ногтя вот сюда, где возбужденно пульсирует живой комочек – и не докучает больше никто...

Спасла незадачливого Иннокентия от безвременной и бесславной кончины бортпроводница, компьютерно-любезным тоном произнесшая свое обычное, но не терпящее возражений:

– Дамы и господа, леди и джентльмены, товарищи и... и... – компьютер запнулся, несколько секунд пытаюсь отыскать в своей бездонной памяти женский род такого вот неудобоваримого обращения, но с честью вышел из положения, прощепетав с заметной картавинкой. – Това-ищи! Через несколько минут наш лайнер совершит стыковку с терминалом орбитального космопорта планеты Адагрух-Я'латна. Прошу привести спинки ваших кресел в вертикальное положение и застегнуть привязные ремни. На время причаливания и стыковки будет отключена искусственная гравитация и, поэтому просим всех пассажиров оставаться в зафиксированном положении до тех пор пока не погаснут световые табло, расположенные на передней стенке салона. Предупреждаю, что все, проигнорировавшие данную просьбу экипажа будут немедленно имобилизованы¹ впрыскиванием транквилизатора типа «новокураре» посредством шприц-иглы, расположенной в сиденье каждого кресла. Приношу свои из-

¹ Имобилизация – обездвиживание (мед. термин)

винения за возможные неудобства.

«Ни фиги себе „неудобства“! – не дослушав, я лихорадочно принялась искать клавишу, освобождающую ремни, так как получить в заднее место дозу какого-то там „кураре“, пусть даже „ново“, мне совершенно не улыбалось. – В перспектах такого оборота не наблюдалось!»

Все пассажиры были заняты тем же, стараясь как можно быстрее выполнить «просьбу экипажа», вернее, предложение от которого невозможно отказаться. Большинство из них, как легко можно было заметить, одновременно, пытались до минимума сократить контакт своего сидалища с подушкой сиденья, еще минуту назад казавшегося таким удобным и мягким.

– Температура за бортом – плюс тридцать пять градусов... – как ни в чем ни бывало продолжила кибернетическая садистка.

– О-о-ох! – хором выдохнула добрая половина салона, пытаясь представить нечто подобное в открытом космосе.

– ...по шкале Кельвина,² – бесстрастно разочаровал всех, возомнивших нечто несусветное, электронный голос. – Полет проходит на высоте триста сорок восемь километров над поверхностью планеты. Температура на борту космопорта

² В температурной шкале Кельвина, названной так по имени предложившего ее английского физика Т.Кельвина, где за ноль (так называемый «абсолютный ноль») принята точка – 273° по Цельсию. Поэтому +35° по Кельвину соответствует – 238° Цельсия. Вполне нормальная для открытого космоса температура. +298° по Кельвину, соответственно, равны +25° по Цельсию.

«Адагрух-2» – плюс двести девяносто восемь градусов...

– А-а-ах! – вырвалось у второй половины пассажиров, из-за возни с привязными ремнями прослушавших предыдущее объявление.

– ...по шкале Кельвина, – опять успокоила и их бортпроводница. – Благодарю за внимание.

– Разрешите, я помогу вам застегнуться!

Вот еще! Был бы только один ремень, поясной, я бы может быть и согласилась на галантную помощь, но ведь их тут, хмм, гораздо больше!

– Спасибо, не нужно... – на пределе вежливости прошипела я, самостоятельно сражаясь с непослушными пластиковыми лентами (со стороны это, наверное, здорово напоминало древнегреческого Лаокона,³ борющегося со змеями). – Пристегнитесь-ка лучше сами, а то, неровен час нарветесь на укольчик...

В этот момент над нашими головами, вращаясь, появилось некое небесное тело в котором с некоторым трудом угадывалась весьма оригинальной формы дамская сумочка, пытающаяся проплыть в конец салона. По всей вероятности, этот предмет был упущен с переднего кресла рыжей дурочкой, которую я невзлюбила сразу и навсегда, стоило мне только увидеть это кукольное личико, не исполненное даже проблеска интеллекта. Идиотка, естественно, не решилась

³ Лаокон – древнегреческий герой, обычно изображавшийся в виде мужчины, вместе со своими сыновьями, борющегося со змеями, оплетающими их.

приподняться хоть на миллиметр с предательского сидения, превратившегося в капкан. Теперь она лишь следила снизу кроличьим взглядом за кувыркающимся ридикулем и ворохом всяческих женских мелочей, тянущимся за ним кометным хвостом. Кое-что, как я успела различить – весьма пикантного свойства, между прочим.

Мой рыцарственный спутник, сразу позабыв про предупреждение компьютера тут же вскочил на ноги. Чтобы поймать колыхающийся в воздухе предмет, собрать всё высыпавшееся из него и широким жестом вручить растяпе, хлопавшей длиннющими (неужели собственные?) ресницами, ему потребовалось всего несколько секунд. Опустился обратно он, увы, тоже чересчур торопливо...

Я, конечно, проявила всю полагающуюся в подобных случаях заботу. А что? Тщательно застегнула на обмякшем спутнике всю полагающуюся сбрую, поудобнее пристроила на подголовнике свалившуюся на плечо голову и, напоследок, ладонью опустив ему веки на остекленевшие глаза, отвернулась к иллюминатору.

Слава Вседержителю, мерзкой планетки уже не было видно. Сияющие звезды заслоняла, громада космопорта – несомненно красивейшее из всего виденного мной в жизни зрелище. Столько величия, столько завершенности было в геометрически правильных очертаниях станции, металлически поблескивающей в лучах местного светила и приветливо вытягивающей в сторону лайнера щупальце приемного терми-

нала, что я тут же позабыла об инциденте.

Еще несколько томительных мгновений, довольно чувствительный толчок, от которого безвольно мотнулась, лягнув зубами открытого слюнявого рта, голова Иннокентия, ядовито-зеленые светящиеся буквы табло погасли и бодрый голос поздравил всех:

– Дамы и господа, леди и джентльмены, товарищи и... и... э-э... товарищи. Поздравляем вас с прибытием на борт орбитального космопорта планеты Адагрух-Я'латна «Адагрух-2»...

Ну вот и все: утомительное путешествие окончилось. Наслаждаться бездельем, конечно, хорошо, но пора и честь знать.

Я щелкнула клавишей пряжки, освобождаясь сразу от всех ремней, тут же втянувшихся в кресло, и снова поправила голову бедного Кеши. Безобидный, в общем-то парень... Был...

Непрошенная слезинка щекотно скатилась на воротник... Сентиментальностью я, конечно, никогда не отличалась, но...

В салоне уже началась обычная для завершения полета суета, поэтому, я тоже занялась своей «ручной кладью» – объемистой сумкой, спрятанной согласно инструкции под переднее кресло...

1

Подумать только! Мало того, что этот жабообразный пограничник на пропускном пункте долго не обращал никакого внимания на темно-красную книжечку моего паспорта. Он так пялился на меня, корча уморительные рожи, видимо, заменявшие местным жителям улыбку, словно мог надеяться на какую-то взаимность с моей стороны! А эти огромные золотые звезды на его погонах? Если судить по размеру, их обладатель, как минимум маршал космических войск, если не генералиссимус! А витой золотой аксельбант в два пальца толщиной? А десяток разнообразных значков или медалей – черт их разберет? А кокарда размером с доброе чайное блюдо...

Оставив до лучших времен и лучшего окружения свою обычную, наработанную годами, сексуально-зовущую загадочно-томительную походку, я размашисто шагала по залу ожидания космопорта. Полированные лучше всякого зеркала, металлические плиты пола звенели под каблучками словно литавры и в другое время, я бы, возможно, наслаждалась звуком, но... Но нужно было еще и волочить за собой проклятый «самоходный» чемодан, опрометчиво взятый в дорогу вместо хоть и старенького, но привычного и удобного «обычного». Как вам продукция прославленной марки «Богатырь»? Вот богатырю-то она как раз и под стать.

Этот чемодан, вернее чемоданище, в этот момент абсолютно неподъемный, кажется, весил немногим меньше самого космолайна.

Добавьте сюда, что при всем этом мне приходилось отмахиваться зажатым в руке паспортом, со вложенным в него туристическим ваучером и иммиграционной картой, от семенящих позади низкорослых уродцев-аборигенов, на разные голоса что-то бубнящих по-своему, и вы получите полную картину под названием «Прибытие».

Конечно, я, перед поездкой в эту дыру, прилежно купила в «Горбушке LTD» целых три TDS-кристалла, содержащих полный гипнокурс обучения адагрухско-ялатнскому языку. Более того – несколько вечеров я прилежно, словно школьница, готовящаяся к экзамену, провела перед домашним компом, рискуя вывихнуть язык на особенно заковыристых выражениях и изумляясь, почему этого не происходит.

Зазубривая маловразумительные рулады, напоминающие лягушачий хор летним вечером, где-нибудь на болоте, я надеялась своей продвинутостью сразить наповал всех аборигенов. Ага! То ли кристаллы оказались «пиратскими», то ли треволнения суматошного путешествия настолько выбили из колеи – ни одного слова в сплошном потоке разноголосой тарабарщины не улавливалось напрочь.

– А пошел-ка ты вон отсюда, козел вонючий! – наконец заявила я, решительно останавливаясь и замахиывая сумочкой на особенно наглого аборигена, все время хватавшего

меня за локоть скользкими лапками.

Интересно, он руки мыл хоть когда-нибудь? Локоть-то у меня, естественно, голый, потому что никаких там «распашонок» с длинными рукавами я не признаю – только классический топ. А то как представишь этого мерзавца, упоенно квакающим где-нибудь на болотной кочке...

– Сейчас как врежу по рогам!..

Произнесла эти энергичные фразы (гораздо бо-о-олее энергичные, чем вы только что прочли, так как дословно их вряд ли пропустили бы в печать) я, надо думать, на чистейшем русском. Правда, спохватившись вовремя, тут же как смогла перевела их на адагрухско-ялатнский, даже попытавшись придыхать, клокотать и попискивать горлом в нужных местах.

Странное дело: «козел» меня понял (хотя, возможно, не сами слова а мою интернациональную жестикуляцию) и проворно отскочил, едва не посбивав с ног товарищей, тоже шустро порскнувших в разные стороны. Учитывая их невеликий рост, со стороны я, наверное, очень походила на аиста (или аистиху), воющего с жабами. Особенно, если жабы очень крупные и раскормленные.

Беда, однако, заключалась в том, что проклятая сумка опять, как и давеча, в «космолайне» с поистине садистской готовностью выбросила все свое содержимое наружу, на потеху окружающим. Мало того, что местные гады-таможенники отобрали у меня добрую половину содержащихся там

совершенно необходимых мне вещей... Слышали бы вы, как они о чем-то прехрюкивались и прекашливались на своем невообразимом диалекте. Между прочим, вы не поверите, но кажется, что звуки речи у них исходят явно не изо рта!.. Так, сейчас еще и все остальное растащат, жабы проклятые! Помог бы кто собрать, что ли.

Совсем некстати, я вспомнила того симпатичного парнишку, вскочившего помочь, когда я, ворона косорукая, упустила сумочку перед самым приземлением... тьфу, перед причаливанием: никак не могу привыкнуть, что мы не на Земле. Бе-е-едненький!..

Хорошо, что хоть платок у меня, спасибо маминому воспитанию, как всегда, под рукой...

А что – я люблю поплакать... Иногда... Что в этом такого? Я же все-таки девушка.

Даже поблагодарить его не смогла-а-а!.. Он такой бледне-е-енький сиде-е-ел... А эта стерва белесая только ухмылялась губками своими змеиными... У-у! Ненавижу!.. Как увидела, сразу возненавидела! Лучше бы он со мной сел вместо той кикиморы инопланетной, продрыхнувшей всю дорогу...

«Кикимора» вспомнилась как раз кстати: слезы высохли так же внезапно, как и навернулись. Я сердито промокнула глаза платком (тушь бы не размазать) и прикрикнула на нерешительно переминающихся в почтительном отдалении «местных»:

– А ну, помогайте! Из-за вас ведь все рассыпалось! Что я – нанялась вам по полу вашему немытому ползать на четвереньках?..

Естественно, старательно делают вид, что не поняли. Ишь глазами хлопают – всеми двумя парами век. Придется самой... Ладно хоть пол оказался «немытым» только в моей фантазии – ни пятнышка, ни пылиночки: мой обеденный стол и то грязнее, а я, признаюсь вам, далеко не неряха! Чем они его так дряют? Ни соринки, ни царапинки! Конечно же не «Комметом»...

Опять вспомнился пострадавший паренек.

Нужно будет хоть навестить бедняжку в местной больнице. Стюардесса эта уверяла, что ничего страшного, мол, не случится – полежит денька два и будет как помидорчик... Интересно, она помидорчик-то хоть представляет себе? С огурчиком ведь перепутала, ж-ж-жаба фиолетовая!

– Я могу вам помочь чем-нибудь, мэм? – голос, раздавшийся у меня за спиной, прямо над ухом, заставил вздрогнуть, словно от удара током.

Я испуганно обернулась.

Надо мной, согнувшись древней и донельзя таинственной буквой «зю», возвышался огромный чернокожий мужчина в плоском головном уборе с козырьком. Облачен он был в темный старомодный костюм – явную униформу – с огромной сверкающей бляхой на груди. О-о-о! Вспомнила! Такой костюм называется «мундир». Странное, немного неприлич-

ное название... Точно! Такой «мундир» я видела на американском полицейском одного из прошлых веков в фильме, который крутили как-то по ретроканалу.

– Сержант Джонс, мэ! – прямо как в том кино представился полицейский, деликатно «не замечая», ЧТО именно я в данный момент засовывала в сумочку. – Лесли Эм Джонс, если угодно.

– Вы очень любезны... – полуприкрыла я глаза ресницами, тоже настраиваясь на старинный стиль общения и принимая облик этакой «пай-девочки», который, как я отлично знаю, сногсшибательно действует на всех мужчин.

Если, конечно, у них две руки, две ноги и все остальное, как у наших, земных особей противоположного пола.

Ну-ка, ну-ка, сержант, посмотрим из какого теста вы слеплены...

Одним словом, уже через минуту «коп» (так, кажется, называли полицейских в том фильме) волок мой неподъемный «самоходный» чемодан за своей госпожой, будто покорный раб. Госпожа шествовала походкой № 3 (под кодовым названием «Фиг сотрешь»), к лифту, ведущему на тот уровень космопорта, где располагалась зона для размещения «антропоморфных⁴» пассажиров.

– Ничего удивительного, мэ...

Кто же знал, что местные законы категорически запре-

⁴ Антропоморфный – от греческого «антропос» – человек и «морфос» – строение, похожий на человека.

щают использование тензорибокерного⁵ аккумулятора, который, как оказалось, черт бы его побрал, питает моторчик этого чуда техники пензенского производства! Читать от корки до корки толстенный туристический справочник, а еще все ссылки, набранные мельчайшим петитом⁶ – какое ж терпенье надо иметь!

Лесли тащил чемодан словно пушинку, причем чувствовалось, что он, с удовольствием, посадил бы на сгиб свободной руки и вашу покорную слугу, ни капли не вспотев при этом. В отличие от меня. В местной парилке я взмокла словно ломовая лошадь, а дезодорант, представьте себе, тоже отобрали на таможне! Чем, интересно, им помешала пластмассовая штуковина с безобидной химией «без канцерогенов и разрушающих озоновый слой газов», как значится на упаковке? Слава Богу, привлек их внимание только тот антиперсперант, что лежал в сумочке, но не рыться же в чемодане при таком обилии зрителей? Да и воспользоваться, честно говоря...

Тоже мне «двести девяносто восемь по Кельвинуу»! По Цельсию это должно быть где-то градусов двадцать пять или около того, но здесь – явные сорок. И влажно, как в бане. Где обещанные кондиционеры, вы, заразы?!

Но похоже я отвлеклась...

⁵ Честное слово не знаю, что эта абракадабра обозначает, но в инструкции было напечатано именно так.

⁶ Петит – мелкий типографский шрифт.

– О чем это вы, Лесли?

– Я в смысле того, что, – осекся полицейский, который понял, что минут пять распинаясь совершенно впустую, – эти, которые за вами бежали... Ну, вы их еще сумочкой отгоняли... Местные носильщики. Они, хоть и похожи очень, совсем не адагрухцы или ялатинцы, а анримсцы. Тьфу ты, пропасть, язык сломаешь! Местная низшая каста, то есть. А...

– Вы так хорошо разбираетесь в местных народах... – промурлыкала я и, сделав паузу и томно опустив ресницы (в этом месте мужчины, обычно, теряли нить разговора и шумно сглатывали слюну), продолжила:

– ...Лесли. Вы давно здесь?..

– Да уже несколько лет... – Лесли вдобавок еще и смутился почему-то. – Если быть точным, то пять лет, восемь месяцев, двенадцать дней...

– Довольно, довольно, офицер! – я вовсе не намерена была выслушивать точный срок пребывания здесь «копа» вплоть до миллисекунд. – И вам здесь нравится?

– Конечно, мэм! – если бы не мешал чемодан, полицейский бы, несомненно, вытянулся и щелкнул каблуками. – Очень, мэм!

– Что вы все «мэм», да «мэм», Лесли? – я кокетливо взяла смутившегося еще больше чернокожего под локоток.

«Локоток», туго обтянутый темно-синей тканью и смахивающий больше на мое колено, обхватить я, конечно, не смогла, так – прицепилась где-то сбоку будто рыбка-прили-

пала к акульему боку... Некрасивое сравнение – не читайте.

– Зовите меня просто, по-дружески: Доза.

– К-как, позвольте?... – споткнулся на ровном месте Лесли, испуганно глядя на меня карими блестящими глазищами.

О-о-о, какие глаза у этого малого!..

– «Как-как»! – передразнила я его низкий рокочущий бас, обиженно убирая руку с локтя, впрочем, не слишком далеко. – Доза. Если не хотите по-дружески, тогда называйте полностью: Даздравора Александровна Прямогорова.

А что, меня так и зовут в самом деле: Даздравора Александровна Прямогорова, разрешите представиться. Как это: «С какого языка переводится»? «Даздравора» переводится с русского литературного языка очень просто: «Да здравствует Вторая Октябрьская Революция». Очень, по-моему, достойное и не лишенное красоты имя. А вам разве так не кажется? Ну-ка, ну-ка!..

– Даздра... Дозра... – сбитый с толку сержант Джонс никак не мог вымолвить мое простое и благозвучное имя. – А можно, все-таки, просто «Доза»?

– Дозволю, – разрешила я милостиво. – Только в порядке исключения.

Но руку на место, конечно, не вернула. Пусть помучается, чурбан неблагодарный!..

В этот момент внимание мое снова было отвлечено и самым радикальным образом.

Под острым углом к нашему маршруту, явно направляясь к тому же лифту, что и мы, задрав при этом вопросительным знаком пушистый хвост, невозмутимо вышагивал средних размеров бело-рыже-полосатый кот.

Нет, в самом коте, собственно, ничего особенного не было. Кот, как кот – обычный подзаборник, которых возле нашей дачи в Зайцевке всегда обитало великое множество. Тем более, что ярко выраженной симпатии к кошкам я не испытывала никогда: орут по ночам, безбожно царапаются, какие-то насекомые у них постоянно, шерсть лезет, норовя прилипнуть к чему-нибудь совершенно неподходящему... Все это так, но главным было то, что в зубах «подзаборник» сжимал одну очень знакомую мне вещьцу...

Я судорожно схватилась за сумочку. Так и есть! Пока этот долговязый остолоп меня отвлекал своими досужими разглагольствованиями, рыжая скотина сперла мой...

– Стой, паразит! Держи его!.. – заорала по-русски на весь космовокзал благим матом, бросаясь на нахального воришку с такой скоростью, словно стартовала стометровку.

И, конечно, растянулась во весь рост на зеркальном полу, скользком, будто мылом натертом.

– Нет, туфли с каблуками явно не предназначены для местных интерьеров! – горько сообщила я своему расстроенному отражению в сверкающей плоскости.

«Интересно все-таки получается с этими напольными зеркалами: а если на женщине не бриджи, как на мне, а, скажем,

мини-юбка?...»

Думала все это я судорожно избавляясь от мешающих туфель и продолжая погоню уже в своем природном виде... То есть босиком, а не так, как вы подумали.

Увы, кот оказался гораздо проворнее.

Не выпуская из зубов своей ноши, испуганное животное, прижав уши, стремительно, хотя и тоже изрядно оскальзываясь на «зеркале», пересекло зал. Даже не оглянувшись ни разу «подзаборник» пулей взлетел по совершенно гладкому, вроде земного бамбука, стволу какого-то эндемичного⁷ растения, старательно закамуфлированного ушлыми адагрухцами под пальму и засел наверху.

Оказавшись на десяти с лишним метрах высоты, то есть в абсолютной недосыгаемости от беснующегося внизу противника, мохнатый мерзавец аккуратно пристроил поклажу на какой-то сучок и перевел дух. Затем, освободив пасть, кот заголосил нечеловеческим голосом...

Впрочем, почему именно нечеловеческим? Самым, что ни на есть человеческим, да еще на чистейшем (насколько я могу судить в свете своих скромных познаний) адагрухско-ялатнском...

– Помогите! Помогите!! Совершенно немотивированное нападение местного хищника на инопланетное разумное существо!!! Где представители властей и охраны правопорядка?!! Я требую защиты своей жизни и имущества в соответ-

⁷ Эндемичный – местный, растущий (обитающий) только здесь и нигде больше.

ствии с нормами галактического законодательства!...

– И ты действительно собралась ехать в эту несусветную даль?!..

Можно было, конечно, нарисовать после этой фразы хоть десять восклицательных знаков, потому что удивление на лице моего... не важно кого, было написано аршинными буквами.

Кстати, а почему аршинными. Насколько я помню архаичные русские меры прошлых веков, аршин⁸ – это что-то чуть меньшее, чем метр. Как же такие буквы могут поместиться на человеческом лице? Опять какая-то гипербола или, возможно, преамбула... Я, знаете ли, путаю эти филологические термины. Хотя... «Преамбула», вроде бы, не из той оперы.

– Ну... Не такая уж и даль, – резонно заметила я, не отрываясь от монитора. – Лаларелла, к примеру, значительно дальше...

– Ты бы еще Салилосис привела в качестве примера! – хлопнул себя по коленям мой... пусть будет просто «Мой», так проще. – Или...

Тут же мне были перечислены несколько планетных систем, находящихся на расстоянии, действительно лежащем

⁸ Аршин = 0,7112 метра = 71,12 см

за разумными пределами. К одной из них добираться пришлось бы чуть ли не три месяца и все на перекладных. Прямо, как этому древнему Магеллану. Или Врангелю? Все время путаю этих полярных мореплавателей прошлых веков. Да Бог с ними, с этими допотопными путешественниками! Отпуск-то мой не резиновый, в конце концов!

– А что ты имеешь против этого... – невинно, как очень хорошо умею, я стрельнула глазками в сторону Моего. – Как ты его назвал? Силосис?

– Салилосис, – машинально поправил Мой. – Силосиса просто не существует. Есть слово «силос», но оно означает нечто совсем иное...

О-о-о, как он любит поправлять и разъяснять! Будто я не знаю, что такое силос! Отлично знаю. Это что-то из разряда биологически-активных добавок, которыми пичкали в старину бедных коровок, чтобы они давали побольше молочка. Будто нельзя было его просто синтезировать, да и дело с концом!

– Я в курсе, – перебила я Моего, настроившегося на долгое объяснение, но застрявшего на каких-то непонятных «силосных башнях», где раздатчики силоса, вероятно, пережидали осаду разъяренных коров. – Но все-таки?..

– Скажешь тоже!

Мой начал расхаживать взад и вперед, настраиваясь на длительную лекцию и поэтому временами пропадая из виду. А как вы хотели? Мой «визик» далеко не самой последней

модели: всего два метра восемьдесят пять сантиметров активной диагонали! Но качество, я вам скажу, не самое паршивое и, главное, никакой пикселизации. Не верится, что беседуем мы через миллионы километров.

– На Салилосисе, если ты не знаешь, – начал он, собравшись с мыслями, – во-первых, сила тяжести в два с лишним раза, а точнее, в два и триста восемнадцать тысячных, превышает земную. Во-вторых, содержание кислорода в атмосфере...

Замечательно, что Мой и подобные ему умники семи пядей во лбу еще не изобрели камеру, позволяющую передавать действительно трехмерное изображение. Иначе, он сразу бы изобличил меня в том, что я, слушая (вернее, совсем не слушая), вместо того, чтобы заниматься делом, вывела на экран его серьезную физиономию и теперь пририсовываю к ней то рожки, то закрученные кверху тараканьи усы... Плохо только, что комп, изо всех сил напрягая свой ущербный машинный интеллект, постоянно старается привести мои дополнения в соответствие с реальностью. Например, две кривые закорючки на благородно всклокоченной шевелюре он преобразовал в роскошные раскидистые украшения, словно у ископаемого лося. Когда я попробовала это безобразие стереть, оно пережило ряд последовательных метаморфоз: рога превратились в буйволиные, бараньи и, наконец, трогательно-милые, словно у новорожденного козленка. Я долго боролась с искушением оставить последний вариант, но все же не

уничтожила их решительным движением. Кто только изобрел этот интуитивный видеоредактор?

С ушами, вернее, с левым, упрямо превращавшимся то в слоновье, то в какое-то рысье, с кисточкой наверху, пришлось повозиться, но в результате получилось так оригинально, что я не удержалась и фыркнула.

– Что тебе показалось смешным? – обиженно спросил Мой, вытягивая шею и пытаясь заглянуть за край изображения, что было физически невозможно. – То, что населен Салилосис исключительно представителями отряда перепончатозадых или то, что земных факторий там всего три?

Вместо ответа я, в виде заключительного аккорда, кликнула на «Эмуляции Леонардо да Винчи» и развернула экран, представив мой, вернее мой в соавторстве с компом, опус под названием «Милый, мой милый».

«Милый» некоторое время молча изучал эпохальное творение, возмущенно шевеля бровями, которые я даже не пыталась «корректировать», настолько они были выдающимися сами по себе, потом возмущенно фыркнул и растаял в мгновенной жемчужно-белой вспышке. Исчез, так сказать, по-английски, не прощаясь.

«Хоть бы слово сказал что ли, – обиженно стерла я свое хулиганство, возвращаясь к прерванному отчету, – а то хрюкает, понимаешь, как мерин какой-нибудь!...»

Нет, решительно, отказываться от сумасшедшей идеи провести отпуск на Агадурхе не стоит хотя бы потому, что

Мой против. А против чего он не против, скажите на милость? Нет, чтобы отлучиться из своей экспедиции на месяц-другой, свозить свою мышку на курорт... Решено!

* * *

То, что идея моя именно сумасшедшая, а не безумная, скажем, я узнала от своей лучшей подруги.

– Тебе что, не хватает развлечений поближе? – проникновенно вещала Кристина, примчавшаяся ко мне в обеденный перерыв с другого конца города (а дорога, я вам скажу, не близкая – от Кремля до окраины сейчас не менее семидесяти километров, добавьте сюда перманентные пробки на всех уровнях, включая все три воздушных и четыре подземных).

Мы сидели в одном забавном ресторанчике на Таганке, известном посвященным под названием «Лицо Сфинкса». Там подавали марсианские блюда, причем, приготовленные по оригинальным рецептам без всякой стилизации под украинскую, итальянскую или китайскую кухню. Вероятно, потому что шеф-поваром там был настоящий коренной марсианин, Армен Карапетян из Олимпик-Сити.

Этот Храм Желудка мы с подругой открыли для себя прошлым летом и с тех пор частенько наведывались в заповедный уголок Москвы, даже не затем, чтобы воздать должное пикантным блюдам, а просто так – ощутить аромат древности.

– Вот посмотри на меня! – продолжала убеждения моя Лучшая, как всегда ставя в пример только себя любимую. – Не мудрствуя лукаво я в прошлом году смоталась на острова Туамоту (зря ты, кстати, не поехала) и что ты думаешь? Оттянулась по полной! Море чудесное, пляжи замечательные, фруктов навалом, местная кухня – пальчики оближешь, аборигены...

Эту историю во всех подробностях я слышала уже раз сто пятьдесят, если не больше. Причем, интересно, что, среди достопримечательностей, аборигены упоминались на два порядка чаще, чем все остальное, включая коралловые рифы, безумно вкусные фрукты, белоснежные пляжи и лазурное море... Кристина вернулась из того вояжа похудевшей килограммов на пятнадцать, помолодевшей лет на пять, и с таким загадочно-мечтательным выражением лица, что я даже ощутила некоторую зависть. Видимо, аборигены действительно оказались на высоте...

– Понимаешь...

Лапша из лапидорусов под неоагавовым соусом сегодня явно не удалась: настолько склеивала зубы, что приходилось после каждого слова делать длинные перерывы. Любая моя пауза позволяла подруге переходить в наступление в счастливой уверенности, что уж этот-то плацдарм останется за ней.

– Если уж Пацифика тебя не устраивает, то есть масса других маршрутов, не требующих длительных перелетов и

связанных с ними лишений. Чем тебя не устраивает тот же Марс?..

– Кристина!..

– Ах, да, я же забыла... Ну ладно! К примеру, Пикр в созвездии Геркулеса. И рукой подать и условия! Или Синут в Гончих Псах...

Перечисление дальних и ближних курортных местечек заняло остаток обеда и прекратила это гиблое дело Кристина только тогда, когда среди предпочтительных, по ее мнению, местечек мелькнула Мидоника. Это действительно райский уголок, но расположенный на пару десятков парсеков дальше Адагурха, правда, в другую сторону – на северо-зенито-север от Земли.

– По крайней мере, хоть осмотришь там получше, – смущенно заметила под конец Лучшая, пряча глаза, – а то, может, чем черт не шутит, доведется как-нибудь побывать...

* * *

Наивно было считать, что Мой и Лучшая – самое серьезное препятствие на пути к вожаденному курорту... Вы думаете, что дальше все пошло как по маслу? Не тут-то было!

Сначала я никак не могла оформить путевку: то одно срывалось, то другое... То время поездки пришлось переносить – никак не могла оставить работу из-за проклятого квартального отчета, то отели мне подсовывали какие-то неподходя-

щие, то с менеджером турфирмы поругалась на пустом месте из-за совершеннейшего пустяка... Но когда уже все необходимые документы были на руках и аванс проплачен, начались настоящие трудности.

Вступила в действие легкая, но раздражающая до крайности, «кавалерия» в лице многочисленных ближних и дальних родственников, друзей, приятелей, знакомых и знакомых их знакомых. Мне наперебой сообщали обо всей необдуманности моего решения, о поджидающих меня в пути и на месте опасностях, о нездоровой атмосфере, плохом климате, море и солнце курорта... Словом обо всем на свете, что может отравить жизнь потенциального отдыхающего. Взамен все более и более привлекающего меня (в основном из врожденного чувства противоречия) Адагруха, наперебой предлагалась опять же сотня других известных курортов. Начиналось все стандартно, с самых близлежащих – старушки Земли, Луны, Марса и Титана, но далее все зависело от воображения «доброхота»: до расположенных на пределе досягаемости регулярного пассажирского транспорта. Самые оригинальные предложения я даже записывала. Рекордом оказалась Лаларелла в системе Альфы Жирафа, лежащая в пятидесяти с лишним световых годах от моего дома.

Предел терпению положила моя мама, живущая под Кейптауном со своим третьим (если не считать гражданских браков) мужем – здоровенным кибермодельером, происходящим из племени нробо-нробо и являющимся, по совмести-

тельству, местным шаманом. За два дня до отлета она разбудила меня в половине четвертого ночи, чтобы зачитать по визиофону выдержки из трудов известного космоэтнографа Маклая Миклухина.

Отважный русский землепроходец посетил Адагрух-Ялатну одним из первых цивилизованных путешественников лет сто пятьдесят тому назад, и первым, среди болот и лесов девственной планеты, не только нашел представителей местных высших приматов, но и установил с ними контакт. Как оказалось, представители здешней расы разумных существ имели своеобразную, но довольно высокую культуру и сложные общественные отношения, приблизительно на уровне земного позднего средневековья с поправкой на местные реалии и физиологию. Несколько осложняла задачу космоэтнографа земноводность аборигенов (Миклухин высадился на планету в то время года, когда адагрухцы 95 % времени проводят в воде), но он с честью вышел из этой ситуации...

Несомненно, труд М.М.Миклухина под названием «В делях Адагруха» был более чем увлекателен и спорить с мамочкой я не имела права. Хотя бы потому, что «проглотила» фолиант залпом, увы, еще почти за полгода до описываемых событий, когда авантюрный план только-только начал формироваться в той не лишенной привлекательности коробочке, которая находится под моей основной гордостью – пламенного цвета шевелюрой.

– Ты представляешь, Дозочка: они там все людоеды! Вот послушай, что пишет Миклухин...

Далее последовали такие душераздирающие подробности, изрядно сдобренные пространными комментариями моей чересчур впечатлительной матушки, что от потрясения, совершенно невежливо с моей стороны, я уснула, не дослушав.

Слава Богу, хоть папа, от которого я ждала отповеди едва ли не с самым большим волнением, чем от остальных, не разочаровал меня. Подозреваю, что не обошлось, все-таки, без «артподготовки» со стороны мамы, но он, как всегда, оказался на высоте.

Забежав как-то вечером «на огонек», мой «старик», долго говорил о многом и разном, демонстрировал «стерики» своих внуков (к сожалению, не моих детей и весьма отдаленных родственников вообще), рассказал массу анекдотов, среди которых попадались и не очень бородатые, с аппетитом проглотил мою «стряпню» (в основном из мегамаркета «Ёлки-палки», что через дорогу), расхвалив ее самым неприличным для польщенного «автора» образом... Как я ни напрягалась, ожидаемых слов произнесено не было. Лишь перед уходом, уже поцеловав «дочуру» на прощанье, папка вдруг ухарски махнул рукой и заявил:

– А-а, все равно сделаешь по своему! Только смотри – ве-ди себя прилично...

Словом, когда меня провожали в «Шереметьево-Орбита»

не хватало только венков с траурными лентами от скорбящих родственников и товарищей по работе, надгробных речей, угрюмых пропитых могильщиков, а также маячащего в задних рядах памятника в полный рост, прикрытого до поры рогожкой...

Стоит ли говорить, что в свете всех сопутствующих прилету событий, заселиться в свой номер мне удалось только под вечер.

Собственно, время дня и ночи на орбитальной станции не имело ровно никакого значения: жизнь тут кипела безостановочно, круглые сутки, к тому же не земные, а адагрухские – тридцатитрехчасовые. Но... Я же не адагрухец какой-нибудь, я простая земная женщина, слабая и нежная, к тому же несправедливо обиженная...

До старости лет теперь не забуду это задержание местной полицией и водворение в полицейский участок, или как там он у них называется... В обезьянник, одним словом. Два десятка закованных в броню местных блюстителей порядка на одну слабую девушку! Подумаешь, террористку какую поймали! За решётку, как какую-нибудь бомжиху или распоследнюю... Но я снова отвлеклась.

Не помогли ни мои гневные вопли, ни уважаемый повсюду в цивилизованной Галактике «серпастый-молоткастый», ни угрозы обратиться в консульство Российской Федерации на Адагрухе, ни знакомство с Лесли. Он, кстати, оказался совсем не полицейским, а всего лишь служащим земной турфирмы, гидом, переодетым для вящего антуража, под полицейского из старинных фильмов. Сержантишка липовый!..

Но надо отдать ему должное, парень старался вовсю, сражался за меня словно африканский лев. Если бы не он, не знаю, пришлось бы мне ночевать сегодня в роскошном номере или где-нибудь на тюремном тюфяке. Или даже охапке сырой вонючей соло-о-омы... Ладно, не время распускать нюни.

А кот, подлец, каким оказался вреднющим! Недаром я с детства терпеть не могу всех представителей семейства кошачьих (ну, кроме, может быть, львов, тигров или ягуаров каких-нибудь). Сомневаюсь, чтобы благородный тигр или красавец-гепард оказались такими склочниками.

Вы бы только слышали, как он требовал адвоката, причем, не какого-то там стряпчего, а самого известного из межпланетных законников, какого-то Вдаапа или что-то похожее на слух, успевая в промежутках обвинять меня во всех смертных грехах. И не нужна мне была, кстати, его шкура вовсе! Я вообще не ношу никаких естественных мехов – от них, говорят, бывает аллергия...

Тоже мне выискался правдолюбец хвостатый! Ну перепутала я сослепу его «чемодан» с моим... Не важно с чем! Линзы-то контактные «во избежание» хранятся на дне моего собственного чемодана!

– Вы оскорбили словом и действием господина маркиза Ррмиуса мур Маава, гражданина Катсланда, планета Пусик-эт, – передразнила я местного, адагрухского, судью, валясь ничком на неразобранную, но весьма удобную, кровать...

– Конечно, феодальные титулы их государства мало что значат на нашей демократической планете, но он такой же разумный обитатель Галактики, как и вы! – разорвался судья, белоснежный парик с буклями и черная просторная мантия, которого, напоминающие о Британии «Века Просвещения», особенно дико выглядели в сочетании с бугристой жабьей физиономией ярко-лилового цвета. – Поэтому, во избежание юридических казусов, я предлагаю покончить ваше дело миром. Согласны ли вы компенсировать пострадавшему переживания, связанные с данным неприглядным инцидентом? В досудебном, так сказать порядке.

– Соглашайтесь! – громко шепнул мне на ухо Лесли. – Ваш туристический ваучер включает пятидесятипроцентную страховку от подобных случаев. Ксенофобия,⁹ знаете ли – основная проблема, с которой сталкиваются туристы на курортах со смешанным заселением, подобных Адагруху...

– А остальные пятьдесят?

Поймите меня правильно: я совсем не скряга, но позволить какому-то там блохастому «маркизу» обчистить себя до нитки, да еще в самом начале отпуска?..

– Лучше пятьдесят процентов, чем пятьдесят дней на на-

⁹ Ксенофобия – страх перед иными, отличающимися от тебя.

рах! – резонно заметил Лесли трагическим шепотом.

Вот этого я позволить совсем не могла. Пятьдесят дней – это же весь мой отпуск и еще... Сумасшедшее количество дней еще!

– Я согласна... – с трудом выдавила я, с ужасом ожидая вердикта жабы, вернее жаба (или жабина?) в парике.

Уши кота, до сих пор нервно прижатые к голове тут же встали торчком, как и хвост, которым он только что охаживал себя по бокам, словно миниатюрный тигр. Пародия на тигра, конечно. Жалкая пародия на могучее, благородное, нескандальное животное... Посмешище!

Мгновенно ставший мирным и домашним, господин мур Маав пошептался с адвокатом (конечно, не каким-нибудь чересчур известным – где бы ему нашли звезду межпланетного класса за пару часов – обычным судебским крючкотвором), а тот – с судьей, важно кивнувшим и гулко бабахнувшим по своей кафедре антикварным деревянным молотком:

– Даздравора Александровна Прямогорова, гражданка Российской Федерации, планета Земля, за оскорбление словом и действием Ррмиуса мур Маава, гражданина Катсланда, планета Пусикэт, приговаривается к штрафу в пять тысяч катсландского китиголда в пользу последнего...

Я облегченно перевела дух, вдохновленная кажущейся мизерностью суммы, но Лесли поспешил меня разочаровать:

– Это не так уж и мало – где-то две с половиной тысячи российских рублей, между прочим.

– Но...

– Но заплатить придется.

– А если...

– А вот «если» встанет дороже.

– Прощайте сувениры! – горько вздохнула я, выуживая из сумочки кошелек, а из последнего – пластиковую карту «Омега-Банка»...

* * *

– Вот же зараза! – ругнулась я, вспоминая довольную, будто после доброй крынки сметаны, круглую физиономию ко-та, когда он, сопровождаемый своей стервятничьей свитой, подошел светски попрощаться со мной. – Наверняка раза в два этому мошеннику усатому переплатила!

Радость после чудесного освобождения из неожиданной передряги понемногу улетучивалась, уступая место досаде из-за легкомысленно отданных денег. Конечно, две с половиной тысячи «красненьких»¹⁰ – сумма не критическая и даже не такая уж серьезная, но все равно, с подарками и сувенирами придется слегка ужаться. Вернее, быть не слишком уж щедрой подругой... Так, кого из знакомых можно оставить «за бортом»?..

¹⁰ Обратная сторона денег Российской Федерации, как всем известно, красного цвета, поэтому их, обычно, так и называют: «красненькие», «красноспинки» или просто «краксы».

Я вскочила с кровати и, распиная попадающиеся по дороге вещи, направилась к картине, за которой, как указывалось в проспектах отеля, располагался вмонтированный в стену бар. «Шедевр» местного аналога Пикассо изображал непонятно что: не то какое-то здание в странном архитектурном стиле, не то одного из местных сановников в парадном мундире и высоком головном уборе... Впрочем, неверным, как потом выяснилось, оказалось и первое, и второе предположение: на картине был изображен символ веры местной расы – Сияющий Нефритовый Жезл.

Конечно, алкоголичкой я себя, отнюдь, не считаю, даже пьяницей, но выбор напитков в зеркальной нише, стенки которой приятно курились морозным дымком, оказался выше всяческих ожиданий. Пришлось даже постоять в раздумье некоторое время, ощущая разгоряченным телом живой холодок, струящийся от разнокалиберных бутылок с пестрыми наклейками.

«Не будем нарушать стиля, – наконец решила я, извлекая из бара запотевшую „Смирновскую“ и „Мартини“, – покажем этим лягушкам, что тоже чего-то стоим!»

Закрывать дверцу не хотелось – температура и влажность в номере казались комфортными, наверное, только местным аборигенам, большую половину жизни проводившим в тропических болотах – но портить мини-бар и нарываться на второй штраф за один день...

Ого! Водка-то самая настоящая, черноголовская – не ка-

кая-нибудь марсианская подделка.

Хотелось, конечно, плюхнуться в кресло и предаться медитации с бокалом коктейля в руках, но... Ванна, ванна и еще раз ванна!

Истинную нирвану я постигла десятью минутами позже в огромной емкости, наполненной до краев чуть теплой водой, погрузившись по самый подбородок в душистую пену (хотя и местного производства, но вполне удовлетворительный аналог моей любимой «Саиле»!) и потягивая через прихотливо изогнутую прозрачную соломинку чудесный ледяной напиток...

Как божественно уютно мне было в этой ванне... И как же мне не хотелось покидать ее... Даже после многократного стука в дверь номера, завершившегося такими нетерпеливыми «аккордами», что изящное произведение местного столлярного искусства «под Версаль» едва не слетело с петель.

«Повесила же на ручку снаружи ярлык „Не беспокоить“! – досадливо думала я выбираясь из своего комфортного мини-водоема. – Ну, пусть теперь пеняют на себя!..»

На одевание я, естественно, времени тратить не стала, готовясь предстать перед неведомым нарушителем покоя в «костюме Евы», нарушенном только живописными клочьями пены.

– Иду уже, иду... – дверь держащаяся из последних сил, сотрясалась так, будто с другой стороны ее с разбегу бодал взбесившийся баран солидной комплекции или даже носо-

рог.

Поворот ручки, последний штрих – руки, вызывающе упертые в бока...

Второе предположение, об африканском происхождении атакующего мое жилище индивидуума, оказалось более верным: в проеме обозначился все тот же Лесли. Причем, глаза одного, по мере расширения поля зрения, постепенно вылезали из орбит, а нижняя челюсть отвисала, давно превысив отпущенные ей природой пределы.

– Ах, это вы, Джонс... – я небрежно передвинула один из комков пены чуть ниже с самым независимым видом. – Чем обязана в столь поздний час?..

Но Лесли, уже заметно терял равновесие, безмолвно сползая по косяку куда-то влево.

– Куда же вы?

Чернокожий «полисмен» уже примерно на семьдесят процентов скрылся из виду, когда я обратила внимание на его палец, вытянутый куда-то вниз и проследила за ним взглядом.

На пороге номера, угрюмо нахохлившись, опустив усы и нервно постукивая по полу толстым хвостом, извивающимся словно недовольная змея, сидел мой недавний удачливый соперник по юридической баталии господин маркиз Ррмиус мур Маав, гражданин Катсланда, планета Пусикэт, собственной персоной...

Я вздохнула и отвернулась к стене.

Смертельно хотелось спать, веки просто слипались, да так, что, вероятно, никакие спички не помогли бы... Подложить бы сейчас, как в детстве ладошку под щеку и...

Но чертовски мешал проклятый Лесли, добровольно взявший на себя обязанности парламентаря между двумя высокими, находящимися в затяжном и неразрешимом дипломатическом конфликте, сторонами.

— ...возможно, это не самый лучший вариант из всего того, что можно предложить, но, ради Бога, поймите меня правильно...

Оторвав голову от подушки я посмотрела на заливавшегося соловьем «полисмена» так, что у него язык примерз к гортани, а потом оглянулась на вторую кровать, на которой, свернувшись клубком и также отвернувшись, возлежал мой враг. А самообладания-то у лохматого паршивца побольше, чем у меня!

— Заткнитесь, Лесли! — ледяным тоном оборвала я открывшего было снова рот Джонса. — Не тратьте времени на перемалывание воздуха попусту.

— Но...

— Если я не придушила этого... — я запнулась на мгновение, пытаюсь подобрать выражение поделикатнее и тут же

сдаваясь, — ...маркиза сразу, то, вероятно, он сможет дожить и до утра. Однако...

— Госпожа Прямогорова!.. Даздравора Александровна!.. — Чернокожий был готов бухнуться на колени.

— Однако, — снова перебила я готовые выплеснуться на меня излияния обрадованного чернокожего, — если завтра утром от меня этого зас... постояльца не отселят, либо нам обоим не будут предоставлены отдельные апартаменты, то вечером я его шкуру... Шкуру, — поправилась я, критически оценив взглядом размеры противника, — прибью над своей кроватью...

— Даздравора Александровна!..

— Прямо под вашей, Лесли! — закончила я, одарив Джонса таким взглядом, что он, прижавший было ладонь к груди и открывший рот, захлопнул его с капканным лязгом, так и не произнеся больше ни слова.

— А теперь выметайтесь отсюда — я хочу спа-а-ать...

Зря вы, Лесли поверили женщине на слово. Да еще женщине НАСТОЛЬКО обиженной и жаждущей реванша...

Когда свет притух и дверь за «полицейским» бесшумно затворилась, я, героическим усилием, нашла в себе силы подняться на ноги и, схватив со столика первое, что попало под руку, подкралась к соседней кровати.

— Ну, молись, маркиз подзаборный!.. — прошипела неумолимая мстительница в моем лице занося руку с зажатой в ней массажной щеткой для волос.

Кот, в ответ, всхрапнул и доверчиво перевернулся на спину, растопырив лапы и продемонстрировав мохнатое пузо: оказывается, он уже давно и крепко спал. Моя карающая длань бессильно опустилась при виде этой донельзя мирной картины.

– Намаялся, бедняжка... – вырвалось у «мегеры» с неожиданной нежностью. – Ну спи, спи... До утра.

Терпеть не могу просыпаться в незнакомом месте, особенно, если сразу вспоминаю о неприятностях... Может приснилось?

Увы... Хотя «неприятности» на соседней кровати воочию отсутствовали, но об их наличии не в развеяншемся ночном кошмаре, а наяву, свидетельствовала небольшая аккуратная вмятина посредине девственно гладкого покрывала.

Неужели Лесли подсуетился с утра пораньше и сумел-таки при этом меня не разбудить? Слава тебе Господи!

Я откинулась на подушки и забросив обнаженные руки за голову, замурлыкала нечто бравурное.

Так. Наскоро разобрать вещи, позавтракать... Я, конечно, отнюдь не большая любительница набивать желудок с утра, но... Из-за всех вчерашних пертурбаций, естественно, все сроки ужина были пропущены, а «геоморфные» рестораны закрыты... Незапланированное вторжение «супостатов», черного и рыжего, опять же, помешало пожевать что-нибудь из моих запасов, конечно засунутых в багаж в последний момент моей заботливой мамочкой...

Словом – вперед графиня, вас ждут великие свершения!

Я решительно откинула простыню, вскочила с постели, сладко потянулась и... присела, прикрываясь руками с отчаянным визгом.

На пороге ванной комнаты восседал проклятый кот, умывающийся лапой с полной невозмутимостью.

Заметив, мой испуг, маркиз мур Маав тут же прекратил умывание и с чисто дворянской галантностью заметил:

– Прекрасное утро, сударыня, не правда ли? А вы, я вижу, даже прекраснее утра...

Закончить утонченный комплимент, без сомнения, заготовленный загодя, рыжему жуиру помешала все та же щетка, просвистевшая всего лишь в нескольких миллиметрах выше его стремительно прижатых ушей.

– Что за манеры, сударыня!

Это кот с возмущением прокричал уже из-за двери санузла, куда ловко сиганул словно обычный «помоечник», скрывшись таким образом от прицельного обстрела разными опасными и не очень предметами с моего столика и близлежащей территории. Сделал он это, воспользовавшись паузой: я в этот момент вертела в руках тяжеленную цветочную вазу из фальшивого хрусталя, разрываясь между желанием уничтожить паршивца раз и навсегда, и неистребимой женской бережливостью.

– Где вы воспитывались, позвольте узнать?

Вазу я аккуратно поставила на место, но, переместившись к столу, возобновила обстрел противника с удвоенной силой.

В дверь ванной летели какие-то книжки, баночки, пластиковые флакончики... Чуть было не полетела яркая коробка,

но нос мой уловил нежный аромат и духи незнакомой марки (не Тамбов, конечно, и даже не Париж, но весьма, весьма, комильфо...) коту не достались.

– Предлагаю...

Что подлец предлагал я так и не узнала, так как, после метко брошенной пудреницы, из дверного проема вырвалось огромное белое облако, словно от нешуточного взрыва, и донесся судорожный кашель. Еще через минуту из-за косяка под аккомпанимент несмолкающего перхання высунулась белоснежная кошачья лапа, размахивающая зажатым в ней неровно оторванным клочком туалетной бумаги.

Предложение о переговорах я милостиво приняла только с третьего раза, переправив в кошачье убежище остатки небьющихся предметов...

* * *

Вот еще новости: делить номер (пусть даже такой просторный и удобный) с каким-то котом, к тому же противным и скандальным, а главное – ра-зум-ным!

Где это видано, чтобы незнакомых женщину и... мужчину (да-да, какой-никакой, пусть мохнатый, четырех с нестиранными носками, килограммов веса и с хвостом, но он мужчина!) селили вместе в одном номере? А если он начнет приставать?..

«О чем это я? – вовремя одернула я себя. – Какое еще при-

ставание от кота, черт побери! Спятила ты что ли, мать?..»

Цокая высоченными, сантиметров по... ну это сами представьте... каблуками по зеркальному полу, я, в самой-самой мини-юбке (подавитесь, гады!), походкой № 5, дефилировала в сторону ближайшего ресторана. При этом я не составляла себе труда, конечно, обращать внимания на прислонявшихся к близлежащим стенам в радиусе полусотни метров, мужиков (причем, далеко не одних только антропоморфных), сомлевших вдруг незаметно для себя.

Впереди все сверкало алмазами, ждущими своего заводателя, позади – лежало в руинах, включая деморализованного противника, смиренно вылизывающего сейчас мою пудру из шерсти. Клянусь его так и не прибитой к стене шкуркой – этого занятия ему надолго хватит! Особенно, если учесть генетическую нелюбовь кошачьего племени к купанию.

Не стоит и упоминать, что следовавшие за «пудренной атакой» переговоры завершились в мою пользу, причем, условия позорной для поверженного врага капитуляции диктовала именно я!

По условиям «Адагрукского мира», конечно, заслуживающего того, чтобы войти в историю дипломатии, коту отныне запрещалось попадаться мне на глаза без явного на то разрешения. Отдельно оговаривалась недопустимость подглядывания за мной своими наглыми серо-зелеными глазищами... А цвет глаз у него, вообще-то, ничего – будь он мужчи-

ной, в смысле, человеческим мужчиной... Фу, я совсем запуталась!.. И вообще: до самого нашего долгожданного расставания (а Лесли, скотина, обещал, даже клялся...), забыть о своем дворянско-кошачьем происхождении, прикинуться ветошью и не отсвечивать...

Стоп! А где это я?..

Оп-паньки! Что-то меня занесло совсем не туда...

Я с некоторым страхом заметила, что мужики (а, вообще, мужики ли это?) как-то постепенно перестали обращать на меня внимание, обнаглели, да и на людей походили уже с очень-очень большой натяжкой. Вот этот, например, похож скорее на вставшего на кончики щупалец кальмара... А тот – на здоровенного паука... А вот эта парочка – вообще ни на что не похожа... Да и парочка ли это? Сбоку посмотреть, так вроде бы как и трое их... Или больше?

Куда же идти?

– Э-э... товарищ... – попыталась я обратиться к одному из прохожих, хоть и напоминающему чешуйчатого Винни-Пуха на длинных голенастых многосуставчатых ногах, но, почему-то, внушавшему большее доверие, чем вон тот, темно-розовый, скользкий и похожий на... на темно-розовый скользкий огурец. Без пупырышков, правда...

«Винни-Пух» остановился, окинул меня с высоты своего трехметрового роста заинтересованным взглядом четырех блестящих глаз, фасетчатых, как у мухи, и прощелкал что-то длинное и явно дружелюбное, протягивая ко мне ког-

тистую лапу.

— Н-нет, простите... — попятилась я, вдруг услышав в длинной и невразумительной, с красивыми переливами, речи незнакомца что-то неуловимо кавказское. — Я как-нибудь сама...

Пожав узенькими плечами, существо зашагало дальше, а я показав язык заинтересованно пьялившемуся на меня «огурцу» (вы не поверите, где у него располагались глаза, вернее всего один глаз!), смело зашагала куда-то вперед в общем потоке, не совсем представляя себе конечного пункта своего маршрута.

«В конце концов, — успокаивала я себя, лишь временами ненадолго обмирая, когда на глаза попадалось что-нибудь, пардон, кто-нибудь, чересчур уж экзотического, отталкивающего или устрашающего вида, — все они такие же туристы, как и я. Ну, может быть, кто-нибудь из них — обслуга... Я тоже, должно быть, кажусь кому-нибудь — хотя бы вон той, похожей на охапку разноцветных металлических колец, нанизанных на что-то типа коралловой ветви, твари — чем-то странным или просто-напросто уродливым...»

Вы, наверняка, поймете мою радость, когда впереди, за плечами (или, возможно, бедрами или другими частями тела) нескольких уродцев, замаячило вдруг что-то до боли знакомое.

Высокая стройная блондинка в чем-то перламутрово-сером с золотом (с периливчиком таким, а по подолу — золо-

тистая каемочка такая, прикольная... понимаете?) уверенно шагала куда-то в общем потоке. При этом она царственно не обращала никакого внимания на сновавшие повсюду существа, больше напоминавшие персонажей шизофренических картин Босха,¹¹ словно вышла погулять погожим летним вечером на набережную Москвы-реки, запруженную праздными горожанами.

– Пойдите! – отчаянно, словно заблудившаяся в ГУМе пятилетняя девочка, воскликнула я, расталкивая окружающих, и, не обращая никакого внимания на толчки и щипки с их стороны, кинулась за ускользящим золотым отблеском. – Подождите меня!

Однако, незнакомка, не оборачиваясь, уже скрылась за услужливо распахнувшейся перед ней высокой стеклянной дверью под переливающимися всеми цветами радуги мало-вразумительными иероглифами неоновой вывески.

Проскользнув мимо рук тщетно пытавшегося меня задержать приземистого адагрухца непонятной в сумеречном освещении раскраски, но в белом смокинге и с щегольской бабочкой под брыластой ряшкой, я влетела в пахнущую остро и непонятно полутьму зала и остановилась хлопая глазами, оказавшимися не в состоянии быстро привыкнуть к ней после ярко освещенного коридора.

¹¹ Иероним Босх (Bosch, Hieronymus) (1450–1516) – фламандский живописец, прославившийся своими картинами религиозно-философского содержания, насыщенными всякого рода фантастическими персонажами и аллегорическими фигурами.

Лучше бы они вообще не привыкали...

Постепенно вокруг меня, словно изображение на порядком засвеченной древней фотопластинке, проступили столы, освещенные чуть колышущимися язычками свечей, и завтракающие за ними туристы.

Но КАКИЕ туристы, а, главное, КАК и ЧЕМ завтракающие...

Здесь ели, пили, хохотали и переговаривались туристы. Обычные туристы. Такие же как я. Но СОВСЕМ не антропоморфные...

Несколько секунд я тупо вглядывалась в гору копошащихся щупалец, с чмоканьем и хрустом сновавших внутри какого-то блюда, больше всего напоминавшего заливного поросенка (да какого там поросенка: настоящего взрослого кабана!). Желудок при этом колебался в раздумьях: бежать ему через единственно доступный для него выход – мое горло – или все-таки подождать малость. В голове крутилась цитата из бессмертного «Трудно быть Богом» незабвенных Братьев: «Дон Пифа висел над целиком зажаренным кабаном и работал, как землеройный автомат...»

Я с трудом отвела глаза от этого тошнотворного зрелища и, упершись взглядом в чету огромных насекомых, отдаленно похожих на тараканов, осуждающе глядящих на меня двумя десятками блестящих умненьких глаз, с трудом сглотнула комок, стоявший в горле. Все же нечто более привычное глазу. Хотя, тоже порядком отвратительное.

Один из тараканов (наверняка мужчина!), видимо смутившись, отвел глаза, каждый в свою сторону и вернулся к еде. Склонившись к своей тарелке – огромному полупрозрачному тазику на гнутых металлических ножках – он вдруг с утробным звуком отпрыгнул туда что-то мутно-желтое, полупереваренное...

Неоновые иероглифы, перламутрово-золотистое покрытие и розовый пупырчатый огурец, подмигивающий мне единственным кавказским глазом внезапно завертелись у меня перед глазами, сливаясь в какой-то сверкающий вихрь...

* * *

– ...посещать незнакомые заведения общественного питания! – нудный голос Лесли все-таки заставил меня всплыть из омута беспамятства на поверхность бытия.

Надо сказать, в большей степени, не голос, конечно, а омерзительный аромат нашатыря, исходящей от ватки, маячившей у меня под носом. Ее удалось разглядеть, приоткрыв один глаз приблизительно на полтора микрона.

– А не пошли бы вы товарищ Джонс... – слабым голосом, но проникновенно, поинтересовалась я у него, снова прикрывая свой оптический рецептор. – Э-э-э... проветриться? Было мучительно стыдно...

Нет, не за бесцельно прожитые годы. За то, что, словно ка-

кая-нибудь гимназистка трехсотлетней давности, грохнулась в позорный обморок при виде мирно питающегося разумного членистоногого. Ну и что с того, что членистоногое – размером с легковой аэрокар? Да хоть с «космолайн»! Неужели взрослому цивилизованному человеку позволительно «сомлеть» при виде мухи, усевшейся на оставленное на столе надкушенное яблоко? Да и осьминогов в аквариумах ты навиделась достаточно! А огурец этот розовый...

Дался же мне этот огурец!

– Лесли, прекратите тыкать в мой глаз своей вонючей ватой! Вы дадите мне, наконец, привести себя в относительный порядок? Да, кстати, решился ли вопрос с этим пушистым...

– Вопрос с «пушистым», увы, не решился, – раздался прямо над моим ухом противный мурлыкающий голосок, неприятно знакомый к тому же. – Даже наоборот...

Я распахнула оба глаза до отпущенных им природой границ и рывком села на постели.

Ватку с нашатырем, до предела отвернувшись при этом и зажимая свободной лапой нос, держал возле моего лица все тот же маркиз мур Маав, будь он лишен «Кискаса» навечно! А Лесли, как раз, находился на почтительном расстоянии – у стола, собирая в медицинский кейс какие-то устрашающего вида приборы и прочие неприятные предметы.

– Поблагодарите лучше господина маркиза, что, случайно заметив вашу... э-э... оплошность в ресторане, оперативно вызвал помощь, – заявил «полицейский с осуждением глядя

на меня, – и вообще, не желаете ли валерьяночки? Для общего успокоения.

Кот так трогательно смотрел на меня, жмуря свои умопомрачительные глазищи, что гневная отповедь как-то сама собой застряла у меня в горле.

– Спасибо...

Неужели эти слова произнесла я?..

– Прекратите шум!.. Уважаемые господа! Я прошу вас прекратить выкрики с мест! Кто желает высказаться, может сделать это, записавшись в очередь к микрофону...

Председательствующий в запале сам позабыл о микрофоне и старался перекричать волнующуюся толпу, реально рискуя целостностью собственных голосовых связок. Но его не очень-то слушали...

Растолкав всех (еще бы не растолкать, имея два с половиной метра роста, почти столько же в плечах и еще больше в объеме талии, вернее, живота) к трибуне прорвался мерганский турист и заорал, обильно брызгая слюной, прямо в лицо председателю, отшатнувшемуся и поменявшему от испуга цвет с густо-лилового на бледно-голубой:

– Я буду жаловаться в Галактический Совет на ваш произвол!.. Почему я, почтенный законопослушный гражданин, должен торчать, теряя драгоценное время своего отпуска, заработанного тяжким трудом, на этой консервной банке? Я заплатил немалые деньги за отдых, понимаете вы, ЗА ОТДЫХ!..

Толстяка, бульдожьи брыли которого тряслись от праведного гнева, тут же, не без труда, оттерли совместными усилиями и всеобщий ор продолжился с удвоенной силой.

Я, опустив руки уныло сидела в уголке, подальше от бес-

нующейся толпы, бесцельно разглядывая свой туристический ваучер. Голова трещала после почти бессонной ночи (моя сердечная благодарность беспокойному соседу), себя же было жалко до слез. Плакал мой отпуск горькими слезками, совершенно понятно, как говаривал один допотопный политик...

Все пошло наперекосяк с самого вылета из космопорта «Шереметьево-Орбита».

Сумбурный полет с тремя пересадками, причем на каждой из транзитных станций я теряла что-нибудь совершенно необходимое, вроде антикварного, еще из настоящей бумаги, томика Вадима Шефнера (спертого, как я подозреваю, тем приторным попутчиком, восхищающимся всю дорогу до Даринна моей начитанностью) или зонтика. Последний, всученный мне в последний момент тетей Тамарой, испарился на Уаоианском терминале, перед посадкой на адагрухский «космолайн». Происшествие перед стыковкой, скандальное знакомство с маркизом Маавом, обморок в негуманоидной харчевне... И вот теперь этот непонятный карантин, грозящий затянуться на весь отпуск, если не больше.

– Мне надоело! – возопил, снова обретя дар речи, слоноподобный мерганец, выкарабкиваясь из угла, куда его затолкали. – Сегодня же я улетаю назад на первом попутном «космолайне», а по прибытию на Мергану подаю судебный иск против вашей компании... Нет! Лучше, против всей планеты! Конечно же, против всей планеты! Вы у меня попляше-

те!..

– А вот и нет! – злорадно просипел откуда-то из-за моря разнообразнейших спин полузадавленный туристами председатель, уже даже не голубой, а иссиня-бледный, насколько можно судить по конвульсивно подергивающейся конечности, торчащей над головами и продолжавшей судорожно сжимать микрофон с оборванным шнуром. – В связи с карантином отменены все рейсы не только на планету, но и за ее пределы...

Только этого мне и не хватало.

На Лесли, присевшего по соседству со мной не здороваясь и даже не позаботившись переложить на свободный стул чей-то сложенный пополам журнал, было жалко смотреть.

– Чем порадуете, мистер Джонс? – вяло окликнула я его, не очень надеясь на ответ.

«Полицейский» так же вяло пожал плечами и отвернулся. Делать тут было явно нечего...

* * *

По дороге обратно, в номер, меня осенила блестящая идея: а не навестить ли страждущего Иннокентия, конечно, умирающего от скуки в своей палате?

Сказано – сделано. Через полчаса, загруженная под завязку пакетиками, свертками, коробочками и кулечками (пришлось совершить налет на один из станционных супермар-

кетов, изрядно проредив его запасы), я уже прорывалась с боем через больничный кордон. Оборонял вход в палату настоящий Цербер,¹² вернее, Цербериня в лице местной медсестры.

Возможно, на взгляд адагрухцев, она и была миловидной, но мне напоминала выдержанную несколько дней на солнце-пеке лягушку, к тому же была такой же агрессивной, как и очковая змея. А что, очки в золотой оправе и в самом деле наличествовали на ее ядовито-сиреневой физиономии!

– Я не имею права пускать в палаты тяжелобольных всякого рода красоток, только на том основании, что они принадлежат к тому же виду разумных существ! – визжала «сушенная лягушка» в белом халате, вцепившись тощими лапками в косяки двери и самоотверженно пытаясь вытолкнуть меня наружу своим микроскопическим бюстом. – К тому же, на станции объявлен карантин. Может быть вы заразная!

– Это я-то заразная? Сейчас ты у меня получишь «заразную»!..

Не знаю, долго бы продолжалась эта взаимная перепалка, рано или поздно переросшая бы в активные боевые действия, возможно, даже с кровопролитием, если бы не вмешался дежурный врач. Он, конечно, тоже был адагрухцем, но, в отличие от очкастой медсестры, очень полным, добродушным и, вообще, обладавшим довольно располагающей

¹² Цербер – трехголовый пес, охранявший вход в Царство Мертвых древних греков – Аид.

внешностью, если можно так выразиться о двуногой жабе почти с меня ростом.

– Успокойтесь, милочка! – это относилось, конечно же, не ко мне, а к потерявшей от возмущения дар речи мегере: я-то была спокойна, как удав. – Почему бы девушке не посетить своего страждущего соотечественника? Это может благотворно сказаться на процессе, как бы это выразиться, выздоровления... Проходите пожалуйста, сударыня...

Последнее, вкупе с галантно поданной пухлой лапкой, морщинистой и бородавчатой, предназначалось уже вашей покорной слуге.

Предпочитая не замечать протянутой конечности (жаб я тоже ненавижу с детства – от них бородавки!), я одарила эскулапа одной из самых ослепительных улыбок и, вручив ему розу (не беда, что букет немного поредел – надо же чем-нибудь отблагодарить человека... тьфу, адагрухца!), грациозно проскользнула между двумя белыми халатами.

Оглянувшись на бегу перед самой палатой, я еще успела заметить поглубевшую от зависти «сушеную лягушку» и задумчиво дожевывающего мой презент толстяка...

– Тук-тук! – я просунула в дверь свою физиономию и повторила. – Тук-тук, кто в теремочке живет?

Первым, что мне бросилось в глаза был почему-то не больной, а ваза с неким буро-зеленым образчиком местной флоры, долженствующим, наверное, изображать цветок. Дар жабы, конечно!

На лице Иннокентия, возлежащего на койке с раскрытой книгой в руках и опирающегося спиной на целую кипу подушек, промелькнула целая гамма чувств – от явного неудовольствия, через непонимание и удивление, до радостного изумления.

– Здравствуйте, дорогая... э-э... Здравствуйте, дорогая! – с честью вывернулся парень, которому я, естественно, не представлялась.

– Доза, Иннокентий... – подсказала я.

– Доза? Какая еще доза? – испугался молодой человек, инстинктивно хватаясь под одеялом за пострадавшую при памятной стыковке ягодицу.

Разве можно так пугать больного человека, дуреха ты неотесанная!

– Да не та доза, Кеша... Меня зовут Доза! Даздровна Александровна Прямогорова! – представилась я по всей форме, протягивая опешившему больному свою ладошку «лодочкой». – Будем знакомы!

– Иннокентий Вячеславович Лазарев, – покраснел страждущий, осторожно пожимая мою руку. – Можно просто – Кеша.

Я без спроса плюхнулась на стоящий возле кровати стул, прицельно запустила в мусорное ведро у дверей корявой бу-ро-зеленой растопырой и торжественно водрузила в освобо-дившуюся вазу букет пунцовых роз. Уже после этого приня-лась выгружать принесенные с собой гостинцы на тумбочку.

Места для обильной снеди явно не хватало и то один, то другой пакетик или кулек постоянно шлепались на пол, заставляя нас одновременно кидаться их поднимать, сталкиваясь руками и смущаясь при этих мимолетных прикосновениях.

Судя по всему, Иннокентий уже вполне оправился от «иммобилизации» и теперь его удерживало на месте только упрямство здешних последователей Асклепия.¹³ Через какие-нибудь десять-пятнадцать минут мы уже чувствовали себя старыми друзьями, весело обменивались шуточками, хрустели ржаными сухариками из одной на двоих пачки и запивали это лакомство пенящимся безалкогольным сидром из огромной трехлитровой бутылки с веселенькой этикеткой на адагрухском.

С неудобного и жесткого стула (непонятное какое-то представление об удобстве у здешних мебельщиков!) я успела перекочевать на Кешино одеяло и теперь весело болтала ногами, заливисто хохоча над каким-нибудь особенно удачным приколом собеседника.

Увы, всему хорошему когда-нибудь приходит конец. Пришел конец и нашему приятному пикнику на больничной койке. Просочившаяся в дверь давешняя «лягуха», казалось еще более иссохшая за прошедший часок, заметила в урне свой подарок и стала совершенно бескомпромиссной...

Уже покидая палату я услышала брошенную мне вслед фразу Кеши, неприятно царапнувшую слух:

¹³ Асклепий – в древнегреческой мифологии, бог медицины.

– Дозочка, а Дозочка, а Памелу ты здесь не встречала? Ну, ту эффектную блондинку – мою соседку в «космолайне»...

– Я, краем уха, слышал, что наше совместное заключение затягивается? – при виде меня, нахмуренной, словно грозовая туча, его светлость маркиз Маав только несколько сменил позу, в которой вольготно раскинулся на моей (!) кровати.

Закатить бы ему скандал... Нет, настроение не то.

Не размениваясь по мелочам, я молча прошла к бару, протянула было руку за «Мартини», но передумала, вытащила одну «Смирновскую» и набулькала в стакан сразу на три пальца.

– Фу-у, какой моветон, мадемуазель! – заявил Ррмиус, ханжески отворачиваясь при виде подобной вульгарности. – Пить с утра, к тому же, крепкие спиртные напитки...

Не обращая внимания на мохнатого моралиста я отхлебнула сразу половину обжигающей жидкости и пощелкала пальцами в воздухе над столом в поисках закуски. Увы, съестного практически не наблюдалось и я ограничилась ритуальным занюхиванием крохотной и скукожившейся хлебной корочкой (остатки маминых запасов), чем вызвала новую волну осуждения, на сей раз гастрономического свойства.

– Интересно, – заявила я в пространство, чувствуя, как употребленная на почти голодный желудок «огненная вода»

теплой волной поднимается в голову, смывая по пути все неприятные переживания и сожаления о вопиющей бестактности некоторых представителей «сильной» половины человечества. – Кто же это вчера вылакал целый пузырек валериановых капель, опрометчиво забытый Лесли на моем столике, скакал по номеру, выл что-то нечленораздельное, напроць потеряв право называться Сапиенсом,¹⁴ качаясь на полусорванной шторе, а потом бредил половину ночи на каких-то непонятных языках... И как только пробку вытащить исхитрился?

– Да-а?! – изумился хвостатый лицемер, округляя свои глазищи. – То-то у меня сегодня с утра голова раскалывается... По всей видимости, валерьянка у вас, мадам, просроченная, а то и вообще «паленая». Травите, понимаешь, честных котов!..

Ссориться с наглецом не хотелось: алкоголь, обволакивая сознание, убаюкивал. Впадать в нирвану после первой рюмки не входило в мои планы, поэтому я, вполне миролюбиво, предложила:

– Время обеденное. Не желаете ли прогуляться до ресторана, ваша светлость?

Подобной вежливости от меня Ррмиус, настроившийся, видно, на продолжительную перепалку с переходом на личности, не ожидал, и не нашелся, что ответить...

¹⁴ Сапиенс (латинск.) – «разумный».

Расположились мы с моим спутником у широкого панорамного «окна», откуда открывался вид на закат над адагрухско-ялатнским океаном, так мастерски симитированный местными художниками, что казалось, кожа ощущала легкий бриз. Вид слегка опалесцирующих валов глубокого аквамаринового оттенка завораживал... Особенно, если не обращать внимания на обрамляющий передний план картины берег, представляющий собой типичное мангровое болото, очевидно, кажущееся аборигенам необыкновенно привлекательным.

Пузыри метана, вспухающие в густой маслянистой жиже среди осклизлых корней, покрытых зарослями лохматых лишайников, отвратительных грибов и россыпями белесых червей, были тоже изображены так реалистично, что большинство обедающих в ресторане гуманоидов, предпочитало либо не обращать на них внимания, либо вообще садиться спиной к панораме, дабы не испытывать рвотных позывов.

Сделав наши заказы чрезвычайно предупредительному официанту в белоснежном смокинге, стажировавшемуся где то на Земле или Марсе (судя по карандашу, заложенному за бородавчатый гребень на том месте, где у людей обычно находится ухо), мы с моим предупредительным спутником отдали честь разнообразным холодным закускам.

«Шведский стол» в здешнем «Холидей-Хаус» был выше всяческих похвал, правда, расставлены подносы с умопомрачительным количеством кислого, соленого, сладкого и острого были э-э... в некотором живописном беспорядке и там спокойнейшим образом соседствовали всякого рода салаты и гарниры на земной вкус, копошащиеся личинки и насекомые в герметичных (чтобы не разбежались) прозрачных контейнерах – на далисианский, живые растеньица в съедобных (естественно, только для эээррраррцев) горшочках, невообразимо вонючий сыр – непонятно на чей, и много, что еще...

Я, было, нагребла себе в тарелку нежных листиков, похожих на кинзу, но после того, как под ними обнаружился здоровенный ленивый таракан (живо напомнивший мне уже виденных в «негуманоидном» ресторане более крупных сородичей), решила отказаться от зелени вообще. Пришлось ограничиться аппетитной полупрозрачной нарезкой из какого-то мяса с гарниром вроде картофеля фри, полив все это вполне земным «Краснодарским» соусом из высокой бутылочки и украсив ломтиками незнакомого, но вкусного (попробовала украдкой, прежде чем положить в тарелку) фрукта, чего-то среднего между хурмой и бананом.

Кот тоже выбрал аппетитную, на свой взгляд, закуску и теперь, отдуваясь, тащил к облюбованному нами столику глубокую тарелку, полную мелкой рыбы в каком-то белом соусе, возможно, в сметане. Время от времени он оглядывал-

ся и бросал сожаляющие взгляды на огромный поднос этого яства, оставшийся на «шведском столе».

Я помогла Рмиусу взгромоздить принесенное кушанье на стол, после чего он, торопливо поблагодарив меня и задрав хвост, на четырех конечностях кинулся обратно за второй порцией.

Вернулся мой сосед через минуту весьма опечаленным, неся в лапах мисочку с какими-то, залитыми полупрозрачным желе, темно-коричневыми ломтиками, распространявшими сильный запах вареной печенки. Блюдо с рыбой в сметане, увы, уже убрали по настоянию давешнего тучного мерганца. Его, видите ли, мучило от одного вида подобного сочетания принципиально несочетаемых продуктов!

– Не печальтесь, Ррмиус, – пожалела я перемазанного белой жижей кота, грустно вылавливающего из миски последнего «пескарика» лапой, и, одновременно, свободной, придвигавшего к себе поближе местный аналог «Кискаса». – Как только толстяк уйдет, я непременно попрошу метрдотеля, чтобы ваш деликатес вернули.

– Право, не стоит, Даздравора, – тяжело вздохнув при этом, светски ответил маркиз Маав, ловко слизывая сметану с носа длинным розовым языком. – Рыба в больших количествах вредна для мужских статей, как гласит наш кодекс Бумио-мио... Ваше здоровье!

Мы звучно чокнулись бокалами: я – с белым «Шато-Рени» пятнадцатилетней выдержки, он – с мутной, отдающей

не первой свежести рыбой и аптекой, коричневатой жидкостью, в которой я, не без оснований, заподозрила селедочный рассол с определенным процентом валерьянки, и пригубили.

— Неплохой букет! — похвалил кот свое пойло, стряхивая с усов мутноватые капли. — А у вас?

— Тоже ничего, — сдержанно откликнулась я, попытавшись представить букет жидкости, которой, видимо, до того, как подать на стол, ополаскивали бочки из-под соленой рыбы.

— Хотя... Несколько солоноват, кажется, — почмокал Ррмиус, будто подслушав мои мысли, и снова отхлебнул, уже гораздо основательнее.

Маркиз восседал на высоком детском стульчике, возвышаясь над столом почти на одном уровне со мной, что позволяло ему не чувствовать себя ущемленным и разговор мы вели на равных, обсуждая достоинства тех или иных напитков, но не опускаясь до банального спора. Порой, отведя глаза или чересчур увлекшись чудесным по вкусу и степени прожаренности «говяжьим» бифштексом, принесенным официантом (сказали: «говядина», значит говядина и не стоит углубляться в происхождение чересчур уж объемистого куска нежной вырезки), я забывала, что беседую с представителем разумной жизни несколько отличного от меня вида...

Тем возмутительнее для меня прозвучал выпад насытившегося наконец обжоры-мерганца. Этот негодяй, походя мимо нашего столика, заявил, громко сморкаясь при этом в

огромный клетчатый платок, что некоторых инопланетян следовало бы кормить из мисочки под столом, да еще лучше, где-нибудь на кухне, чтобы не портить аппетит приличным туристам.

– Не сказала бы, что некоторые гуманоиды заслуживают эпитета «приличные», – попыталась вступить я за накупившегося и нервно застучавшего хвостом по стулу маркиза мур Маава, – особенно, если этим гуманоидам место в...

Скандала, увы, не получилось, как я ни старалась, подбирая выражения похлестче. Мерганец, так ничего и не понявший из моей тирады, добродушно покивал, еще раз шумно высморкался и покинул помещение, преследуемый по пятам сразу несколькими официантами, наперебой выражающими ему свое почтение в надежде на чаевые.

«Зря суетитесь, – мстительно подумала я нервно отставляя тарелку с недоеденной „говядиной“ и наливая себе своего вина, а коту – своего, – мерганцы имеют в Галактике заслуженную репутацию чрезвычайных скупердяев!»

– Не желаете ли перейти к десерту? – попытался разрядить обстановку маркиз, снова, усилием воли, напуская на себя великосветский вид, а когда я благодарно кивнула, важно удалился к столу, уставленному всякого рода тортами, пирожными, фруктовыми муссами и прочими вкусностями.

В ожидании, я откинулась на спинку удобного кресла, и, сквозь янтарную жидкость, слегка мерцающую в тонкостенном бокале, еще раз полюбовалась адагрухским закатом, ста-

раясь не опускать взгляд на болотистый берег. Из-за импровизированного светофильтра, зеленый закат приобрел еще более пикантный вид.

«Кто бы мог подумать, что маркиз окажется таким приятным в общении человеком... существом, — нехотя поправила я, — прилично воспитанным, начитанным, остроумным...»

Многоголосый шум и истошный женский визг в глубине зала оторвали меня от приятных размышлений.

— В чем дело? — растерянно спросила я пробежавшего мимо инопланетянина, очень похожего на человека (а, может быть, наоборот — человека, очень похожего на инопланетянина).

— Не въезжаю, телка, извиняй! — отвечал на бегу тощий, мертвенно-бледный и запыхавшийся индивидуум с волосами ярко-зеленого цвета, одетый в розовую хламиду, обильно усыпанную металлическими заклепками. — Какую-то байду внепланетник один замутил! Замочил, люди бают, кого-то!..

Ощувив внезапный тревожный укол в самое сердце, я вскочила и принялась проталкиваться к месту происшествия, расположенному, по какому-то совпадению, как раз поблизости от десертного столика.

Пробиться в первые ряды оказалось очень и очень непросто, но я с детства отличалась весьма напористым и твердым характером. Правда, многие считали мое упорство упря-

ством, но оставим это на их совести... Поэтому, оттоптав в процессе несколько чьих-то ног, отбив кулаки и локти о мягкие или, наоборот, твердокаменные бока, и, потерпев некоторый урон в туалете, я все же оказалась внутри окружности, образованной застывшими в оцепенении зрителями. Не успев порадоваться удаче, я едва не грохнулась в обморок...

В центре круга находился взъерошенный и глухо урчащий маркиз мур Маав, сжимающий в зубах... мышь.

Безвольно болтавшийся во рту у кота грызун имел довольно солидные размеры, позволявшие ему претендовать скорее на титул крысы, и, кроме того, был одет в ярко-зеленый мундирчик с позументами и миниатюрные сапоги со шпорами...

* * *

— Конечно, воинские звания их милитаристского государства мало что значат на нашей демократической планете, но он такой же разумный обитатель Галактики, как и вы...

Казалось, что судья все в том же белоснежном парике с буклями, играет одну и ту же, вызубренную раз и навсегда роль.

— ...Поэтому, во избежание юридических казусов, я предлагаю покончить ваше дело миром. Согласны ли вы компенсировать господину премьер-полковнику Ииику переживания, связанные с данным неприглядным инцидентом?..

Окруженную перилами выгородку, столь памятную мне по первой встрече с «Адагрухом-2», теперь занимал, явно чувствующий себя неуютно, маркиз мур Маав, а место потерпевшего – вышеупомянутый премьер-полковник Ииик, красующийся рукой на перевязи, словно и впрямь оказался жертвой злодейского покушения. Адвокатом обвиняемого по-прежнему был Лесли Джонс, группой поддержки – лишь ваша покорная слуга. За пострадавшего же «болела» вся многочисленная делегация коллег Ииика с планеты Сыррр, облаченная в пестрящие радугой мундиры никому неизвестных родов войск, сверкающая кокардами и эполетами. Кроме того «мышоиды» притащили на заседание суда свои знамена, которые сейчас гордо реяли над разного рода касками, треуголками, киверами и фуражками. Я заметила у некоторых из сыррян даже полковые барабаны и фанфары, видимо пронесенные в зал контрабандой, но пускать их в ход микровояки пока не решались.

Судья завел прежнюю волынку насчет штрафа, но пострадавший заломил сумму с таким количеством нулей, что прения на время прекратились, сменившись переговорами адвокатов. Скаредность – порок наказуемый, но мне внезапно стало жалко кота, едва не лишившегося чувств еще до объявления итоговой суммы.

– Триста пятьдесят миллиардов сыыырских гранов! – гласил окончательный вердикт строгого судьи, подкрепленный ударом молотка.

В обрушившейся на зал судебных заседаний тишине раздался мягкий стук: Ррмиус все-таки «выпал в осадок»...

– Прекратите изображать умирающего, господин Маав! Подобный штраф никоим образом вас не разорит...

Лесли уже давным-давно надоело утешать мучающегося от жадности маркиза, валяющего в постели (опять ведь, подлец, выбрал именно мою!), но он старался не выходить из рамок приличия, хотя руки, надо думать, чесались.

Я была целиком и полностью согласна с Джонсом, поскольку, как оказалось, ущемленный в своих чувствах Ииик явно продешевил, «наказав» прижимистого кота всего лишь на пять сотен рублей – сумму совсем уж не страшную. Тем более, что эта «пятихатка» вкупе с еще двумя тысячами «краксов» досталась скупердяю безо всякого труда!

– Не осталось ли у вас, Лесли, хотя бы нескольких капель настоя валерианы обыкновенной? – томно проворковал кот, решив, что «поумирал» уже достаточно. – Исключительно для приведения в порядок расшатанных инопланетными сутягами нервов...

Джонс с готовностью кинулся к аптечке, но я осадила обоих.

– Ну уж нет, господа! Если хотя бы еще раз при мне будет упомянуто это средство, вам, Лесли, придется, на эту ночь, разумеется, забрать господина Ррмиуса мур Маава с собой. Я не согласна на вторые сутки без сна...

Что тут началось...

На меня были обрушены потоки обвинений, самое мягкое из которых звучало как «бессердечная нацистка», Лесли был объявлен «беспардонным мучителем», станция – «консервной банкой, населенной котоненавистниками и промышленности шпионами»... Одним словом: досталось всем без исключения. Не забыт был даже совершенно невиновный мерганец, окрещенный «жирным империалистом» и «врагом традиций».

Кот катался по кровати, между делом целенаправленно сваливая мою постель на пол, стenal, вызывая к милосердию небес и, особенно, к «Великому Муурлыку», обитающему на Луне (на какой именно Луне, маркиз не уточнил), и, в довершение всего, имитировал, довольно бездарно на мой взгляд, сердечный приступ. В результате он добился только того, что Лесли, плюнув в сердцах, покинул нашу скорбную обитель, предварительно попрощавшись со мной и забрав с собой аптечку во избежание дальнейших эксцессов.

Кот, неартистично изображавший глубокий обморок еще повалялся для приличия, попытался воззвать к моему женскому милосердию душераздирающими стонами, но, выяснив, что бросаться ему на помощь я не в настроении, стектаки на пол, освобождая мою кровать. Я, было, решила, что в коте проснулась совесть и мне удастся сегодня выспаться вволю, однако, не тут-то было...

Уже отвернувшись и смежив очи, чтобы не видеть надо-

евшего до смерти хвостатого дворянина, не перестававшего изредка постанывать и на полу, я попыталась призвать вожденного Морфея, но, вдруг ощутила некоторый дискомфорт...

По моей коже, такой нежной и чувствительной, еще одному, после волос, предмету моей гордости, неторопливо перемещался кто-то очень и очень мелкий!

Отнеся это на совесть беспокойного дня (нервный тик, понимаете, и все такое), я попыталась не обращать внимания на крохотный раздражитель, но тут... Словно раскаленная спица вонзилась в одно из самых моих интимных мест!

Вполне вероятно, что визгом я переполошила половину станции, а его отголоски были слышны и в вакууме за ее пределами, но тогда мне, поверьте, было совершенно наплевать на такие мелочи.

Не обращая никакого внимания на неожиданно выздоровевшего кота, только что взлетевшего по портъере до самого потолка и оттуда испуганно изучавшего меня округлившимися до предела глазами, а также на свой весьма фривольный вид, я молнией подлетела к огромной красной кнопке с красноречивой надписью на космолингве «БИОЛОГИЧЕСКАЯ ТРЕВОГА» и с размаху вlepила в нее растопыренную ладонь.

А как бы вы поступили на моем месте, если бы в чертовой уйме парсеков от Земли, на совершенно стерильной орбитальной станции вас внезапно укусила блоха?

Следующие полтора часа я несколько раз успела пожалеть о своей поспешности, но возможность уладить дело тихо, по-семейному, безвозвратно канула в Лету...

Чувствуя себя детской куклой в руках ворвавшейся в номер банды инквизиторов, по какой-то ошибке называющейся «командой дезинсекторов», я вынуждена была стоически перенести бесчисленное множество весьма неприятных процедур. Правда, душу мою согревало то отрадное обстоятельство, что виновнику всех этих мучений достается больше.

Маркиза мур Маава, орущего едва ли не громче меня давеча, изверги в ярко-желтых скафандрах попеременно искупали в нескольких растворах, дико вонючих и не отличающихся излишней эстетичностью на вид и высушили чем-то напоминающим миниатюрный огнемет. Теперь же, похожий на многоногого паука робот, сверкая в воздухе десятками размывающихся от быстроты лапок, волосинка за волосинкой кропотливо перебирал шерсть кота, распятого в совершенно непристойной позе на каком-то приспособлении вроде пыточного станка, выклеывая оглушенных неожиданной химической атакой паразитов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.